

Елена Петровна
БЛАВАТСКАЯ

ДУРЬБАР
В
ЛАХОРЕ

Елена Петровна Блаватская
Дурбар в Лахоре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155822

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дурбар в Лахоре

Елена Блаватская

Дурбар в Лахоре (из дневника русской)

Глава 1

Через Симлинские холмы в Кальку и Умбалу. – Санитарииумы Индии и чайная плантация индийского Цинциннати. – Сады Пинджора, Магараджи Путтиальского. – Колесницы-пытки. – Калька и счастливое семейство скорпионов. – Амритса и ее разнохарактерные народности.

Получив в Симле не то приглашение, не то благосклонное разрешение властей присутствовать на имевшем быть от 9 до 16 ноября 1880 года вице-королевском *дурбаре*¹, мы решились отправиться заранее в Лахор.

С 1864 года, когда состоялся дурбар, назначенный лор-

---

¹ Дурбар – церемониальный и публичный прием. Кроме вице-королей, только некоторые из владетельных принцев Индии имеют право держать публичные дурбары.

дом (в те дни еще сэром) Джоном Лауренсом, известным в политическом мире своею «художественною политикой бездействия», по ироническому выражению ториев, которой теперь строго предписано держаться и новому вице-королю, маркизу Рипону – не было затем дурбара в Лахоре. Устроенный для формального представления вице-королю, еще мало привыкших с 1849 года к британскому господству и слишком часто о нем забывающих пенджабских властелинов, раджей и науабов,² со включением вечно подозреваемого в русской интриге магараджи Кашмирского, предстоящий дурбар обещал быть великолепным. К тому же нам хотелось побывать и на годовом празднике девалли в Амритсе, древнем гнезде сикхов...

Праздник *девалли* в буквальном переводе вышел бы праздником «Всех Святых», la Toussaint, или, точнее, «всех богов», так как *дева*, – божество, а не простой святой. Это самый высокоторжественный праздник в стране.

В ночь на девалли тратятся огромные суммы, заготавливаемые браминами в продолжение целого года; а муниципалитеты ассигнуют на торжество лаки³ рупий. Все города, села, деревушки, даже дороги освещаются мириадами плошек, факелов и разноцветных фонарей в честь 333 миллионов на-

---

² Пишется – pawab, а выговаривается «науаб»; слово, почему-то переделанное в Европе в набоб.

³ Лак – сто тысяч рупий.

циональных богов... Но Амритса, гнездо сикхизма,⁴ великолепием своего освещения, дорогими фейерверками, а главное, прелестью своего залитого огнями Золотого Храма, отражающегося, как в чистом зеркале, в окружающем его озере, и другими затеями, – далеко оставляет за собой все прочие города Индии. На эту ночь съезжаются со всех концов страны под охраной своих британских дядек, политических резидентов, когда-то грозные potentаты Индии, как большие, так и малые. Европейцы же наводняют гостиницы, и, заняв лучшие места на иллюминации, великодушно позволяют туземным принцам стоять за спинками своих стульев. Правда, сикхи – строгие монотеисты. Но с 1489 года (год их отступничества от политеизма) они, видно, еще не успели до сей поры решить, который из 333 миллионов божеств индийского пантеона есть именно их единый бог, проповедуемый Панакой;⁵ поэтому они пока и продолжают чествовать одинаково всех богов. Осторожность никогда не мешает.

Решась по дороге в Лахор принять горячее приглашение

---

⁴ Амритса, или Амритсар - укрепленный город Пенджаба, в полутора часовой езде от Лахора, столицы Рунжит Синга, знаменитого в истории под именем Льва Пенджабского. Из незначительной деревушки Амритса, благодаря Золотому Храму на озере *Бессмертия*, построенному Рам Дасом, 4-м *Гуру* (духовным наставником) сикхов в 1581 году, храму, привлекающему пилигримов сотнями тысяч – сделался цветущим богатым городом. Здесь ткются и продаются лучшие шали Индии, успешно соперничая в этом с Кашмиром и ведя оживленную торговлю козьим пухом с Бухарой.

⁵ Панак был основателем сикхизма.

наших друзей и союзников ариев⁶ и погостить у них в Амритсе, мы назначили днем нашего выезда из Симлы 21 октября, заблаговременно отправив наши вещи в долину с обычными вьючными животными Индии, кули. О народной нищете можно судить по ценам, запрашиваемым кули за перевозку тяжелых сундуков и багажа от Симлы до Кальки, т. е. 114 миль в два конца. Кто в России поверит, что мы наняли 12 человек, по два на тяжелый сундук, за десять рупий! Где в мире можно найти столь бедного рабочего, чтобы он согласился нести пешком с одной крутизны на другую сундук в несколько пудов, за 57 миль, и, вернувшись обратно, получить за это два шиллинга.

Итак, беспристрастно разделив при прощании искреннее сожаление между нашими добрыми друзьями англичанами и чудною прохладой диодоровых⁷ и сосновых лесов, мы приготовились рано утром 21 октября в путь. Вследствие узких, чрезвычайно извилистых дорог, вернее, тропинок вдоль по карнизу несметных холмов и частых обвалов, в Симле запрещено ездить на экипажах. Один вице-король имеет право разъезжать на паре маленьких пони в крошечной колясочке; все же прочие смертные обязаны довольствоваться верховыми лошадьми или паланкинами, даже престарелые. Грузные

---

⁶ Арии – последователи религиозного реформатора Свами, соперника знаменитого Чендер Сана пророка Бенгалии. Оба покрыли Индию *самаджами* (братскими общинами).

⁷ Диодор – гималайский кедр.

леди отправляются с визитами и на балы верхом или в носилках. Поэтому, хотя почтовая станция отстоит от занимаемых английской колонией дач, разбросанных, как орлиные гнезда, по вершинам скал на 2000 с лишком футов вниз, нам пришлось отправляться – кому пешком, а кому в *джампане*. Не могу проститься с Симлой без того, чтобы не помянуть лихом и не описать этого *джампана*, придуманного, должно быть, инквизиторами. Это отвратительный паланкин, не то *chaise longue*, не то узкая люлька из парусины с четырьмя деревянными лапами, привешенными к двум толстым палкам и делающими ее похожей на привязанную вверх ногами лягушку. Взвалив это англо-китайское изобретение с обреченным на пытку седоком на плечи, от четырех до шести мускулистых здоровых *пагари* (племя горцев) начинают шагать вразброд, потрясая ношей словно кулем муки. Жертва, раз втиснутая в сиденье и плотно обтягиваемая парусиной люльки-лягушки, делается на все время перехода буквально беспомощною. *Пагари* (или *пахари*) кроме собственно, неизвестного остальному миру горского диалекта, ничего не понимают: кричи не кричи, для них все одно. Беспрерывно перемещая с одного плеча на другое оглобли носилок, они встряхивают при этом люлькой, подбрасывают ее во все стороны, размахивая ею и словно угрожая ежеминутно вышвырнуть живую кладу в зияющую по обеим сторонам узкой крутой тропы бездну. К довершению этого эстетического удовольствия, вероятно, в надежде на прибавку бакшиша

(они получают всего две анны или три пенса в день на человека) носильщики, или «джампани», как их здесь зовут, начинают кряхтеть, стонать, а затем и громко рычать... Не останови их кряхтения на первых порах, то вскоре весь лес застонет им в ответ. Англичане с ними в разговоры не пускаются а, стегая по голым спинам плетью, правят ими, как настоящими лошадьми. В моем же положении смиренной русской гостьи мне оставалось только молчать и терпеть.

Выплеснутая из адской люльки на пыльный двор станции, отряхнувшись, я присоединилась к партии знакомых, также оставивших в то утро Симлу. Здесь нас ожидала другая, не менее адская машина, изобретенная для горных путешествий. Почтовая дорога из Симлы в Кальку (57 миль) до того узка и извилиста, спуски столь круты, что еще три года назад не было другого средства ездить по старой дороге как верхом или на слонах. Но теперь построили новую, хотя и не лучшую, но более широкую дорогу. По ней, проскальзывая между идущими навстречу верблюдами и слонами, летит с быстротой молнии так называемая *тонга*. Это двухколесный экипаж, в котором двое сидят спинами к лошадям и, упираясь коленями в собственный подборок, а третий, ямщик, висит на лошадиных хвостах. В такой скорлупе, конечно, нет места для поклажи; поэтому, как я сказала, багаж заранее отправляют в долину. Вследствие постоянно осыпающихся стен от взорванных минами скал и какого-то особенного испепеляющегося в мельчайший порошок грунта дорога до того пыль-

на, что плотно облегающих глаза зеленых выпуклых очков и двойной вуали еле достаточно, чтобы не ослепнуть навеки, за эти несколько часов езды. Подымаясь шесть недель ранее на высоты Симлы, мы благоразумно выбрали «старую дорогу» в предпочтение новой или так называемой «Тибетской большой дороге», и были вполне награждены за три лишних дня путешествия. Но теперь мы спешили, и другого выбора нам не предстояло, разве ехать в закрытой арбе на волах...

Нас было тринадцать, а мест в шести тонгах всего на 12 пассажиров; и «чертова дюжина» действительно взяла свое. Кое-как рассадив прочих, мы втиснули трех худощавых англичан в шестую тонгу: на мою долю достался самый длинный из них, и его ноги, как он ни старался завивать их кренделем, постоянно торчали над задком экипажа. Наконец мы тронулись и полетели с одуряющею быстротой под гору... с первого же толчка я провалилась в нижний ящик сиденья, откуда уж и не вылезала до самой станции, всю дорогу проклиная тонгу.

Прощай, дорогая, вечнозеленая Симла!.. Чудный уголок, райское гнездышко, упавшее словно с неба среди дубрав Гималайских; прохладный Эдем, витающий над пеклом долин Индостана, прощай!.. Долго не видать мне твоих громадных сосен, елей, кедров, на кудрявых верхушках которых отдыхают гонимые ветром облака и подножие коих окутано целым лесом гигантского рододендрона... Вот вдали мелькнула большая гора, покрытая этим великаном-растением. Об-

литые горячими лучами утреннего солнца их ярко-пунцовые гроздья горят, словно повисшие на них птицы. Среди них белеет *Петергоф*, вице-королевская резиденция, а за горой виднеется длинный хребет снежных колоссов, один из средних рядов ступеней Гималаев. В последний раз пахнуло нам в лицо столь знакомым прохладным запахом сосны и тмина... Еще несколько поворотов, и мы очутились в непроницаемом облаке пыли. Оно упало тяжелою, удушливой завесой между нами и Симлой...

Англичане чрезвычайно гордятся своею «Тибетскою» дорогой, воображая, быть может, что она и на самом деле поведет их когда-нибудь в Тибет, и называют ее образчиком инженерного искусства. Приходя в восторг при виде гранитных мостиков, перекинутых через горные потоки своих sanitarium'ов,⁸ торчащих на разных холмах, они уверяют, что ничто не может сравниться с математической точностью линий карниза дороги, извивающейся пыльной лентой вокруг зеленых холмов. Один из мостков, впрочем, уже провалился под каким-то спешившим в Симлу сановником, убив невинного ямщика (судьба оставила сановника целым). Мой спутник страшно надоедал мне своими беспрерывными восклицаниями восторга, и очень по-видимому озлобился на меня, когда увлекаемая, сознаюсь, более невыносимой тряс-

---

⁸ Санитариумами здесь называют военные поселения для госпиталей, выбирая для этого самые здоровые местности на горах. Симла считается лучшим санитарием в Индии.

кой, нежели врожденным чистосердечием, я объявила ему из глубины своего ящика, что, откровенно говоря, его «Тибетская» дорога и в подметки-то не годится нашей «Военно-Грузинской» на Кавказе.

На расстоянии 57 миль мы переменили девять раз лошадей. На каждой станции эти ободренные клячи, предварительно вступив в бой с верблюдами, брыкались, угрожая сломать задние ноги о наши спины, а я снова и неминуемо проваливалась в свой ящик, и так до новой станции! От Симлы до Кальки по прямой линии не более 12 миль; а по извивающейся во все стороны, обвивающей каждый холм, словно лента на тирольской шляпе, дороге – 57 миль, как уже сказано. Можно же себе представить, сколько тонга делает поворотов и какие при быстроте такой езды необходимы предосторожности, чтобы не наткнуться при каждом новом изгибе на вереницу верблюдов или не въехать в кучу слонов. Во избежание подобной катастрофы, ямщики каждые две-три минуты трубят. Какофония уныло повторяется окрестным эхом и еле успевает замереть, как раздается новая, услышав которую верблюды и слоны сторонятся заранее. Движение тонги было столь быстро, а сидение так низко от земли, что при одном из сильных толчков мой спутник, окруженный облаком пыли, вдруг словно волшебством исчез из моих глаз, очутившись среди дороги под хоботом у проходящего слона. По словам его, он заметил себя в этом непредвиденном положении только тогда, когда обронившая его тонга находи-

лась уже почти за милю от него, а умный слон, приподняв его хоботом, подбросил к себе за ухо, чтобы не раздавить. Подобрал бедного бритта, мне хотелось у него спросить, включает ли он и тонгу в число существенных доказательств величия его родины вообще, и превосходства ее произведений над всеми произведениями остальных в мире стран, в частности? Но плачевный вид грязного лица и разорванное пальто сменили мой гнев на милость, и я, как добрый самаритянин, предложила ему носовой платок для очистки физиономии.

Промчавшись со скоростью локомотива мимо Кири-Гата, большого замка на скале, вроде феодальных руин на Рейне, каких здесь множество, мы крутились по быстрому спуску вокруг горы. Раз пятнадцать древний замок то исчезал из виду, то снова являлся. А вот и знаменитый замок магараджи *Путьяллы*, горная резиденция вековой династии, последний представитель коей в настоящую минуту семилетний ребенок; а затем Солон, санитарииум, ныне переполненный злополучными жертвами беконсфильдовской политики. Изувеченные на «ученой границе» Афганистана, они теперь переваривают полученный урок на более спокойной территории Раджи Багхотского, на владениях коего построены английские бараки и госпиталь. Эти любезные гости составляют далеко не приятную прибавку к народонаселению его светлости... Но злосчастный принц молчит и утешается разведением чая, как древний Цинциннати, который, впрочем,

разводил не чай, а капусту, или нечто в этом роде. В Солоне при гласе трубном нас вышвырнули прямо на веранду *дак-бунгало*, попросту, почтового дома, где мы тотчас же приступили к завтраку, поданному по англо-индийскому неизменному шаблону: бараньи ребра из какой-то гуттаперчи и сухой рис наполовину с землей, сопровождаемый убийственным *карри*.⁹ Наскоро законопатив рисом трещины, произведенные в наших желудках тряской, мы втиснулись в наши тонги и помчались далее. Опять перепряжка, верблюды, брыканье и облака пыли... После четырех часов тряски – Дхурумпур на скате Куссовли... Сосны и ели тут встречаются все реже и реже, исчезают и величественные кедры, заменяясь вечным кактусом, темнолиственным манго, раскидистым нипалом и, наконец, пальмой. Тропическая растительность входит в свои права и в Кальке уже совершенно заменяет северную...

Городок Калька, 2400 футов над уровнем моря, стало быть, на 6000 футов ниже Симлы, состоит из двух десятков домов, телеграфной станции и двух отелей. В прежние годы, до занятия англичанами Пенджаба, то была деревня у ворот поместья, принадлежащего магарадже Путьяллы; поместья, знаменитого своим великолепным парком. Сады Пинджора, обрамленные высотами Севаликского хребта, и теперь по-

---

⁹ *Карри* – соус из всевозможных пряностей, главное в нем красный перец; туземцы глотают ложками то, чего европеец не мог бы и попробовать, не рискуя задохнуться.

сещаются многими туристами. Разбитые еще при императоре Акбаре одним из его владетельных наубов, эти сады, составляющие целый парк, считаются самым великолепным местом в северной Индии, не исключая даже Шалимарского сада в Лахоре, где Рунджим-Синг держал дурбары во время своего царствования и где они назначаются и теперь для вице-королей.

К великому счастью моему вместо тонги нам дали на другое утро четырехколесную широкую *дак-гари* (почтовую карету). До Умбалы, где мы, наконец, добрались до железной дороги, путь довольно отлогий, и за исключением нескольких переправ через бурные и опасные, но осенью засыхающие потоки, – широкий и ровный. Почтовая карета есть выкрашенный четырехугольный ящик на четырех колесах, без сиденья. На полу такого ящика настиляется постель проезжего, а коли таковой не имеется, то путешественник остается на грязных досках. Трясет она не хуже телеги, а в нашей карете вдобавок к собственным ее прелестям мы нашли гнездо скорпионов: почтенную родительницу с двумя дюжинами скорпионят на спине, отца, снох и прочих членов семейства. Я чуть было на них не села. Ямщик *джаин* упрашивал меня не предавать их лютой смерти. У него, видите ли, умерло несколько детей в этот год, и кто знает! Быть может, они все трансмигрировали в это интересное семейство... В пропорцию с родными горами, скорпионы имели по полтора и по два вершка в длину, и нам пришлось ждать, пока набожный

джаин, осторожно загребая их на пальмовый лист, не перенес их всех на опушку леса... Приехав в Умбалу, отстоящую всего на 38 миль от Кальки, в полдень, нам чуть не сделалось дурно от жары. Тридцать градусов в тени в конце октября!

Умбала – столица куска британской территории, отнятой англичанами под каким-то предлогом от страны, называемой Сирхиндом и принадлежащей владельцам Пустьяллы. Это большой укрепленный город, с крепостью на северо-восточной стороне его и с лагерем, расположенным у подножия крепости. Укрываясь от зноя в темной комнате, мы ничего не видали, да и нечего было осматривать. Вечером мы сели в вагон и на другое утро проснулись в Амритсаре.

Весь дебаркадер был полон арийцами и сикхами, пришедшими встречать «братьев американцев» с должными *намасте*.¹⁰ Их было человек двести. Странное и живописное зрелище представляла эта почтенная гвардия, которой позавидовал бы не один из маленьких немецких князьков. Гвардия, обезоруженная, правда, но в таких невиданных фантастических и богатых костюмах, что можно было залюбоваться на нее и не одному артисту. Что за молодцы, эти бравые сикхи! Колоссы, кажущиеся еще огромнее от необъятных белоснежных тюрбанов (точно свалившаяся с Гималаев снежная глыба), покрывающих их длинные густые волосы и коричневые лица, которые несравненно бледнее, впрочем, лиц цен-

---

¹⁰ *Намасте* – санскритское приветствие, введенное современными реформаторами вместо мусульманского обычного «салам».

тральной, а особенно южной Индии. Здесь вы не увидите голый натуры, прикрытой вершком грязного миткаля вместо виноградного листка, даже на самом бедном кули. Пенджабцы носят белые панталоны в обтяжку вроде трико; богатые – дорогие кисейные и вышитые рубашки поверх панталон, бедные – простые миткалевые. Первые отличаются шитыми золотом и разноцветными шелками, кашемировыми, парчовыми и глазетовыми кафтанами, часто на дорогих мехах; но все, богатые, как и бедные, украшены необъятными и самого разнообразного вида тюрбанами. У иных до ста аршин кисеи на голове!

У дебаркадера мы нашли ожидавшую нас прекрасную коляску; и вот, сопровождаемые этою пестрой ватагой, под перестрелкой насмешливых взглядов знакомых по Симле англичан, мы поехали в приготовленный для нашего приема загородный дом, принадлежащий президенту местной Арья-Самадж Мульрадж-Сингу, очень богатому сикху.

Дом этот – обширная прекрасная дача среди тенистого большого сада, меблированная совершенно по-европейски и со всем современным комфортом. Еле успев переменить платье и очиститься от дороги и даже не успев закусить, нам пришлось тут же, неожиданно и негаданно, держать свой дурбар. В это одно утро и до пяти вечера мы познакомились с большим числом национальностей, рас, сект и разношерстных религиозных корпораций, нежели за последние полтора года, проведенные нами в Южной и Центральной Индии.

Пенджабы, индусы из Бенареса, сикхи, джатты, раджпуты, патаны, гурки, кашмирцы приходили и уходили целыми вереницами. Сложив руки ладонями на груди, затем на лбу, они кланялись и тихо садились полукругом на ковре перед нашими двумя креслами. Каждая из этих пестрых живых гирлянд устремляла на нас почтительно любопытный взор и в глубоком молчании ожидала первого вопроса... После первого (к какой школе философии или секте каждый из них принадлежал) тотчас же начинался общий разговор о метафизических предметах. С любопытством слушали они нашу, часто смущенную, критику на их невообразимо странные, всегда самые неожиданные парадоксальные выводы. Чаще всего нам приходилось признавать себя побежденными и retirроваться.

Страсть к мистическому самоуглублению и метафизическим мечтаниям – самая общая черта индусов от Гималаев до Кумари. Что бы он ни делал, к какому бы сословию он ни принадлежал, как только у индуса появляется свободная минута, он садится на корточки и погружается в мечтание, или, скорее, в самосозерцание; а в случае, если есть собеседник под рукой – в метафизический диспут. Но да не подумает читатель, что эта религиозность опирается на догматы или вытекает из какой-либо из установленных сект и школ. И те, и другие служат мечтателям лишь канвой, по которой каждый из них вышивает в продолжение целой жизни самые фантастические узоры. Выпуская постепенно из неведо-

мой глубины органов мышления тонкую паутину собственных умозаключений о самых трудных, неразрешимых мировых вопросах, они, наконец, так опутывают себя этою само- тканною сетью, что, будучи не в состоянии вылезти из нее, только жужжат в ней, как пойманная муха. У них есть почти всегда *гуру*, духовный учитель, выбранный из таких же опутанных самодельною паутиной мух, как и сам он, только старше и учение его. И первый будет молиться на второго до его смерти; а после смерти отдаст ему все последние почести: по всем правилам касты сожжет тело учителя, похоронит пепел где-нибудь у себя в саду, и утром и вечером станет разговаривать со своим гуру, сперва мысленно, под влиянием мистического чувства, а затем и громко, излагая свою новую систему. Возле него станут собираться соседи, сядут на корточки и будут слушать. Затем мало-помалу припишутся к его школе и станут по вечерам вместе впадать в религиозный экстаз. Страсть к богословским диспутам породила и продолжает порождать бесчисленные секты, школы и религиозные братства, особенно последние. Отчасти способствуют этому и протестантские миссионеры, особенно американские. Проводя большую часть времени на площадях и базарах, эти ревностные, но далеко не образованные просветители язычества, не теряют случая вступить в полемику, но редко удачно. Под перекрестным огнем вопросов о хронологии мира, о мироздании, об отношении божества к смертным и особенно о будущности и существовании души челове-

ской, не будучи в состоянии бороться со своею упитанною метафизическою мудростью аудиторией, миссионеры начинают постепенно терять терпение, а под конец обыкновенно раздражаются бранью над местными богами и угрозами пекла. За этим иногда идут жалобы в суд, но обыкновенно новый импульс – соединяться против общего врага: *падри*, и вследствие этого новое языческое братство...

В день нашего приезда мы заседали на нашем дурбаре до пяти часов вечера. Огромные деревья тенистого сада не допускали смиренных лучей октябрьского солнца слишком беспокоить нас, но зато целые стаи блестящих попугаев, бесстрашно влетающих и вылетающих через открытые двери веранды, оглушали нас трескотней своих, далеко не метафизических, птичьих криков. Наконец, последняя вереница мистиков удалилась, попугаи стали прятаться в тенистой листве манго, а мы отправились к Золотому Храму, на озеро Бессмертия.

Глава 2

*Сикхизм и цари-гуру. – Посещение Золотого Храма. – Чудо-
доявленный фонтан. – Мы делаемся «бессмертными». – Ба-
зар Амритсы и сетования его жителей. – Мнение англичан
о господстве англичан. – Черный город и кантонементы. –
Иллюминация девалли. – 92 кука, выпаленных из пушки.*

Имя *Амритсар* происходит от санскритских слов: *А* – ча-
стица отрицания, *мрит* - смерть и *сар* - источник, в целом –
«источник бессмертия». Имя это дано сначала не городу, а
талао, или озеру, посреди хрустальных вод которого, как бы
вечно любясь собственным отражением, возвышается Зо-
лотой Храм, выстроенный Рам-Дассом, четвертым *гуру* или
царем-учителем сикхов в 1581 году. Начиная от Нанака, ос-
нователя сикхизма, таких царей-гуру (Раджа-гуру) у них бы-
ло десять. Секта, основанная учителем при помощи полудю-
жины учеников-апостолов в XVI столетии, окрепла и разрос-
лась. В XIX – она явилась англичанам разбросанною от Дел-
льи до Пешавера и от песчаных пустынь Синда до Карако-
румских гор, далеко за Кашмиром. История Сикхского цар-
ства, о котором так мало известно в Европе, что падение его
в 1849 году почти не остановило на себе внимания печати,
весьма интересна и может быть бегло обрисована в несколь-
ких словах: безустанная борьба с могущественными в те вре-

мена моголами в Индии, борьба не на живот, а на смерть, где против одного сикха было десять мусульман. Так длилось, с небольшими промежутками, до первой половины настоящего столетия, когда англичане помирили и моголов и сикхов, приготовив им одну и ту же участь: сделаться английскими вассалами. Преемником основателя сикхизма явился некто Унгуд, учением которого, со слов Нанака, начинается *Гранфа* (священное писание сикхов), а за ним наследовал духовный престол его ученик Уммер Дасс. Он первый осмелился пойти против авторитета законоведов и грозно восстал против бесчеловечного обычая «сутти» – самосожжения вдов на кострах мужей, повелев начертать над входом к *гаттам* (место сожжения трупов) следующую надпись, в виде предостережения: «Истинная сутти (самосожженица) та, которую пожирает не пламя костра, а тихая, хотя и вечная, скорбь по умершему; скорбь, коей следует искать утешения и прибежища лишь в одном Господе Боге». Ему наследовал Рам Дасс, строитель Золотого Храма. Сам город 400 лет назад был известен под именем Чак. Когда, вырыв озеро, Рам Дасс обстроил его множеством небольших храмов, то он назвал это место Рам Даспур. Он назначил себе преемником сына своего Арджуна. Как философ последний был великим любимцем императора Акбара, но в 1577 году, некто Чунду-Хан, один из подвластных халифу сирдарей из зависти оклеветал его. Тогда Арджуна, по подозрению в измене, был посажен в тюрьму, где и умер в 1606 го-

ду, если верить моголам. Но сикхи рассказывают иное. По их преданию, царь-учитель, получив позволение искупаться в протекающем по двору темницы ручье, внезапно исчез из глаз двух приставленных к нему часовых, перенесенный на небо. Сын и наследник его гуру Говинд, оставшись после отца одиннадцатилетним мальчиком, поклялся отомстить моголам за смерть отца, и сдержал слово. Он начал с того, что собственноручно убил Чунда-Шаха, предавшего Арджуну врагам, а затем убежал за Гималаи, в пустыню, учиться *маха-видье* (великой науке, магии). Вернувшись через несколько лет уже молодым человеком, он объявил войну всем мусульманам, заставив верных сикхов¹¹ своих поклясться: раз обнажив меч, не возвращать его в ножны, пока острое лезвие каждого не отправит на тот свет по меньшей мере трех моголов. Много побил он собственноручно сынов пророка. Его меч, – по уверению автора «Дабистана», – был заколдован. Им он убил, разрубив пополам, Пайенда-Хана, а когда один из телохранителей последнего бросился, как безумный, на гуру-воина с обнаженным мечом и ударил его изо всей силы, то Говинд, ловко отпарировав удар, хладнокровно заметил нападающему: «С мечом обращаются не так, а вот так», и с этими словами умертвил его самого. Этот подвиг навел Мохсура-Фани, автора «Дабистана» и личного друга Говинда, на следующий курьезный вывод: «Сие изречение, – говорит он, – ясно доказывает, что великий гуру Говинд убивал

---

¹¹ Слово «сикх» в переводе означает «ученик».

мусульман не во гневе, а лишь с целью учить их, как следует обращаться с оружием; ибо первая обязанность каждого гуру (учителя) поучать». ¹² Защита довольно оригинальная...

Сикхи уверены, что в тело каждого из венчаных гуру входит душа основателя учения Нанак, которая и руководит гуру до смерти. Говинд подписывался на всех документах: «Нанак, на земле Говинд», как то свидетельствуют его переписка с автором «Дабистана» и письма к могольским императорам. Говинд умер в 1645 году, и церемония телосожжения его сопровождалась дикими сценами фанатизма. Несколько обращенных в сикхизм раджпутов побросались за телом в огонь, и много других последовало бы их примеру, если бы не гуру Гар-Рай, преемник Говинда, положивший конец этому самоистреблению. Гуркишен, восьмой царь-учитель, умер в юности. Девятый, Тег-Багадур, до того побивал мусульман, что наконец император Аурангзеб послал против него целую армию. Им овладели хитростью и отрубили ему голову в Делли. Его сын, пятнадцатилетний Говинд II, последний из царей-учителей, был самый замечательный из них. Горя желанием отомстить за позорную смерть отца, он решился совершенно преобразовать сикхов и сделать из них сущих спартанцев. Среди могущественного царства моголов он задался целью уничтожить до последнего могола. Окруженный общественной деморализацией, изуверством и религиозным суеверием, он поклялся напра-

---

¹² «Dabistan» II, p. 275.

вить умы своих сикхов к одной религиозной идее: к единобожию; к одной цели – образованию великого сикхского царства.

Он верил, что им управляет не Нанак, а сам единый Бог. «Моя бесплотная душа, – говорил он в своей „Священной биографии“¹³ – отдыхает в бездейственном блаженстве, погруженная в непрерывное созерцание Единого, в то время как посланник Господа – бессмертный дух Нанака, передаст вам (ученикам) слова и заповеди, начертанные перед ним огненными буквами и перстом Того, кто есть светильня мира». «Напрасно, – говорил он далее, – нисходили на землю от начала мира *Деити* (воплощения божества), дабы поучать человечество об единстве Божиим... Люди зрят Бога не иначе как через оскверненные сосуды в образе тварей Его, людей. Так, забыв *Ишвара* (Господа), индусы поклоняются Шиве, Бrame и Вишну, а Магомет, поучая своих сынов об Аллахе, учил их между тем произносить одно свое скверное имя в молитвах ко Всевышнему» и т. д. Но он, Говинд, послан теперь восстановить истину. «Хотя я и посланник Божий, – добавляет он, – но все же я не более как простой смертный раб Всевышнего, и горе тому, кто осмелится боготворить меня, червя земного!.. Тот будет гореть в огне страдания целые

---

¹³ Каждый из десяти царей-учителей сикхов написал более или менее обширную книгу, наполненную религиозными учениями, заповедями и проповедями. Эти десять книг и составляют их священное писание, известное под именем Гранфы. Книга Говинда II называется «Вышитр Напук» – «Чудодейный рассказ».

вечности... Бога невозможно найти в одних писаниях и церемониях. Он живет в сердце человека и познаваем лишь в смирении и искренности внутренней молитвы».

Изданные им новые законы были единодушно приняты сикхами и теперь составляют догматы этой секты, мало напоминающие учение Нанака. Учение кротости перешло постепенно в боготворение родины как собрания сикхов, «избранников Божиих», и в религию, известную под названием *кальзы*, в буквальном переводе «земля спасенных или освобожденных от греха»; *джихад*, священная война магометан – не более как фейерверк в сравнении с пожаром, производимым между сикхами одним словом *польза*. Во имя кальзы от большого до малого, от женщины до дитяти, каждое живое человеческое существо в земле «бессмертных» подымается против врага, и будь сикхи многочисленнее, несдобровать бы тем, кто бы пожелал завладеть ими. Законы или догматы, изданные Говиндом, следующие: Бог есть дух, но хотя Его дух всемирный, он сходит на землю только, чтобы осеять сикхов, и Его присутствие нигде не заявляется Им, кроме одной кальзы; невзирая, однако на это отсутствие Бога, «все народы должны стремиться к составлению единого», т. е. должны сделаться сикхами, все, кроме «магометан, которых следует систематически и неустанно истреблять, оскверняя даже могилы их праотцев и святых». Низшие касты должно считать наравне с высшими, «ибо мы все равны перед природой». «Тройной шнурок браминов следу-

ет разорвать; и сикхи должны считать спасение души возможным лишь посредством кальзы, ожидая *пахул* (т. е. посвящения в таинства сикхизма) от одних последователей Говинда-гуру». Озеро Бессмертия и храм доступны всем кастам и сектам индусов. Воды «Озера Бессмертия» одни сулят жизнь вечную. Все сикхи должны именоваться сингами (львами). Все должны быть освящены водой,¹⁴ носить длинные волосы, не поклоняться никому, кроме Бога и его Гранфы, не расставаться с оружием, всегда драться с мусульманами и посвящать всю жизнь и энергию стали и пр. и пр. Сикх, следующий вышесказанным законам, *сутча падиа* - «настоящий царь».

Победив все препятствия суеверия и касты, основав кальзу и унизив браминов и магометан, Говинд-гуру отправился драться и побивать моголов. Сиважди, махратский герой, положивший конец династии Тимура и могуществу могольской империи, нашел в нем друга и союзника. Вдвоем они разбивали злополучных сынов пророка, истребляя их тысячами; но пришел и Говинду конец. В 1708 году, в Нудере, на берегах Годавери, во время сна, в собственной его палатке рука убийцы поразила его. Но совершилось чудо. Со смертельной раной в груди Говинд-гуру, приподнявшись, в ответ впавшим в уныние сикхам, вопрошающим его, кто же поведет их после него по пути к спасению, сказал следующее:

---

¹⁴ При посвящении или обращении будущего сикха окропляют священной водой из озера уже посвященных адептов.

«Смиритесь и уповайте на Господа, предаю кальзу в Его руки. Тот, кто желает видетсья и иметь беседу со мной, да ищет меня в гранфе Нанака. Я ваш гуру, пребуду навсегда с вами в кальзе; будьте тверды и верны долгу: где бы ни собралось пять сикхов вместе, там буду я с ними!» И он упал мертвым. Умерев на несколько часов, он ожил и его повели на Озеро Бессмертия, где он прожил еще несколько месяцев. Там, невзирая на кучу часовых, *акали*, он был снова убит ночью в своей башне.

Учение Говинда разделило сикхов на две секты. Первые – безусловные последователи Нанака – называют себя *калазами*. Они не бьют скота, не едят мяса, не употребляют спиртных напитков и не курят; проливать чью бы то ни было кровь считается у них грехом; они проводят дни в молитве и ежедневно исповедуются перед закатом солнца друг перед другом в своих грехах. Вторые, *синги*, ученики Говинда-гуру, бесстрашные воины, гроза и ужас афганов. К их числу принадлежат *акали*, или *нихунчи*, т. е. «воины Божии» и «бессмертные». Их должность: охранять днем и ночью храм, где сидит постоянно их Маха-гуру, *великий учитель*, увы, ныне номинальный! Этих *акали* 600 человек, и в народе их зовут «сипаи храма». Встреча с одним из них, как с неприятелем, вещь довольно опасная, так как эти *бессмертные* всегда ходят тяжело вооруженными, часто с мечом в каждой руке, с двумя острыми саблями за поясом, с кремневым ружьем за спиной и несколькими кинжалами. Со времени английского

господства им уже не позволено ходить по улицам в таком вооружении; но зато самое страшное и опасное, хотя с первого раза не бросающееся в глаза оружие им оставлено: иначе произошел бы мятеж. Оружие это – стальной пояс и такой же острый, пилообразный (с внутренней стороны) тройной круг, обвивающий гигантским штопором синий тюрбан «божьего воина». Этот круг от шести до восьми вершков в диаметре, страшно заостренный и выточенный, они бросали во врага с ужасающей ловкостью. Еще живы англичане, видевшие, как со страшным криком и словами: «*Вай гуруджи! Ка-фатт!*» (победа нашему владыке гуру!), бросив такой круг во врага, они мгновенно отсекали ему голову, а иногда обе ноги у лошади и даже у боевых слонов!¹⁵ Рунджит Синг, кривоглазый старый лев и предпоследний магараджа Пенджаба, высоко чтит их храбрость. Его «бессмертные» творили чудеса храбрости, и раз в стычке с афганцами эти шестьсот удальцов отсекали головы 2000 своих наследственных врагов. Теперь они присмирели и очень тоскуют по прежней боевой жизни, часто посылая депутации англичанам, прося вести их против ненавистных кабульцев. Почему правительство не воспользовалось их услугами в последнюю войну в Кабуле, непонятно... Кажется, просто боялись пробудить в сикхах засыпающую в них прежнюю удаль.

Теперь, правда, все изменилось. Поляны Аттока и Пеша-

---

¹⁵ См., между прочим, «History of the Sikhs» by Cap. Cunningham. Автор жил с ними долгие годы.

вера не служат более убежищем носорогам, за которыми так любили охотиться могольские императоры, и за коими, в свою очередь, охотились сикхи. Долины Верхней Индии, где брамины и кшатрии (воины) выработали постепенно такую своеобразную цивилизацию, страна, успевавшая постоянно отражать нападения всевозможных народностей от скифов до персов, и от моголов до афган, со времен Дария и Александра до эпохи Бабура и Магомета, эта страна пала, наконец... Там, где паслись носороги, теперь гремят поезда железной дороги!..

Сикхи – еще юные, свежие энтузиасты. Ни один сикх, кроме детей и некоторых женщин, не переходил еще ни в магометанство, ни в брахманизм, ни даже, невзирая на все старания миссионеров, в христианство. Ради кальзы они на все пойдут, на все решатся... Но и их законы, под влиянием западного воспитания, начинают колебаться. Они все еще питают ненависть к «сынам лживого пророка», но уже некоторые из них вступают с бывшими непримиримыми врагами своими в коммерческие компании, и они научились уже пьянству от своих новых правителей. Зато они гордятся пуще прежнего своим названием *сингов*; омывают на заре все грехи свои в озере Бессмертия и поклоняются также горячо, как и прежде Гранфе. Их уважение к Нанаку столь велико, что даже теперь они почти боготворят некоего Баба Кхейн-Синга только потому, что он прямой 16-й потомок основателя сикхизма. Этот отвратительный *баба́* (отец) тунеядствует

в Равуль-Пинде, окруженный поклонением тысяч приносящих ему добровольные приношения свыше двух лак рупий (200 тысяч) в год. Против обычая и даже закона сикхов у этого святого мужа, кроме жены, еще целый гарем, а приношения своих ревностных, но далеко не разумных почитателей он тратит с английскими чиновниками, резидентами и коллекторами на безумные празднества, охоту и пьянство.

Едва мы подъехали к кварталу Храма, как были встречены на площади нашим старым приятелем и знакомым Рам Дассом, которого уже встречали в Бауге и который едва не сделался вместе со мной жертвой миазмов в пещерах этого имени.¹⁶ Он был сильно обрадован свиданием, и тут же на радостях и в знак своей власти показал кулак проходившему мимо мусульманину. «Божий воин» казался еще громаднее в своем официальном тюрбане. Он тотчас же вызвался провожать нас и показать все отделения храма, до самых потайных уголков. Когда мы вошли в просторный, выложенный разноцветным мрамором двор, солнце уже садилось, и Золотой Храм сиял, весь залитый горячими лучами, словно волшебное, не сего мира видение...

В этом первом дворе нас заставили снять обувь и заменили ее какими-то войлочными лаптями. Затем, сойдя несколько ступеней вниз, мы ступили на мраморную, блестящую и скользкую, как стекло, набережную, и перед нашими глазами предстало, во всей своей величавой прелести, озеро

---

¹⁶ См. «Письма из пещер и дебрей Индостана».

и среди оного – Золотой Храм...

Это озеро – квадратный, в 150 шагов в каждую сторону резервуар с чистою, как горный хрусталь, водой. Белоснежные Мраморные ступени ведут к воде с каждой стороны, заканчивая такую же квадратную мраморную набережную, которая обрамляет со всех сторон резервуар. Огромный сквер наглухо обстроен белыми дворцами из того же отшлифованного чистого мрамора. Каждый из этих дворцов выстроен одним из многочисленных раджей сикхов и, составляя его собственность, представлен, однако, в распоряжение Маха-гуру и его «бессмертным», которые пускают жить в них разных пилигримов. С их висящими, вырезными балкончиками, портиками и террасами, эти жилища придают много красоты и поэзии «священному скверу». Заглушая городской шум, по вечерам этот сквер является прелестнейшим в мире уголком для отдыха. Между дворцами и озером растут тенистые, чудные деревья. Каждое из них посажено одним из знаменитых своею щедростью сикхом-благодетелем, носит его имя, окружено мраморными широкими ступенями для отдыха пилигримов, и почти под каждым погребен пепел самого хозяина. Одно из них было посажено самим Говиндом-гуру и пользуется особенными почестями и заботами священнослужителей.

Пройдя половину набережной, ступая по которой в моих неуклюжих лаптях, я несколько раз чуть не свалилась, мы вошли в другой, еще более обширный двор, на одном конце

которого возвышалось высокое, трехэтажное сквозное здание; а на другом – крытые ворота, ведущие через длинный мраморный мост, с прелестно вырезанными, ажурными и покрытыми мозаикой перилами, к Золотому Храму, выстроенному в самом центре озера. Первое здание – *бхунга*, или дворец акали, все три веранды которого были в то время наполнены «бессмертными». Бхунга построена в азиатском вкусе. Из нее, на каком бы из этажей не находились «божьи воины» могут наблюдать за храмом, где, словно живой идол, сидит по целым дням и ночам их Маха-гуру. Здесь во втором этаже находится келья гуру Говинда, висят его боевые доспехи и журчит фонтан, чудесно появившийся из мраморного пола в ночь его убиения. Это и есть фонтан «бессмертия». Согласно легенде сикхов, мусульмане, особенно кабульцы, напустили в ту ночь дурман на «божьих воинов», так что все акали, вместо того, чтобы поочередно охранять своего без того уже раненого гуру, уснули мертвым сном. В это время подкрававшиеся кабульцы убили на этот раз *pour de bon* святого воина, отправившего собственноручно столько их братьев в преисподнюю. Чудо воскресения не повторилось: *non bis in idem*. Пробудившись от волшебного сна, бедные «бессмертные» (бывшие в те времена, впрочем, еще простыми смертными) нашли своего духовного вождя с перерезанным горлом, а у головы его высоко бивший под потолок фонтан самой чистой студеной воды с надписью: «Каждый из верных сикхов моих (учеников), напившись этой воды во имя

мое, сделается бессмертным, минуя благополучно все трансмиграции и получив полное отпущение грехов».

Поглазев на эту надпись на стене кельи, – она на диалекте *гурмукки* - мы, естественно, попросили напиться из чудного фонтана и разом почувствовали себя бессмертными...

К нашему удивлению, за приобретенное бессмертие с нас не взяли ни полушки, и наш старый приятель акали даже обиделся, когда мы ему намекнули о пожертвовании, и отвечал, что они не берут платы от «братьев». Затем мы осматривали и прочие части бхунги. Там в великолепном киоте хранятся мечи всех гуру-воинов и показываются их другие доспехи. В верхнем этаже – богато разукрашенный алтарь, куда вносят на ночь обе Гранфы, где они и запираются. Каждая в особенно отведенной для нее и охраняемой акали комнате. Гранфы покоятся до зари на густом ложе из роз и других цветов. Перед бхунгой на площадке – мраморный помост, верх красоты и вкуса; на нем купель, из которой омываются от грехов сикхи под звуки целый день играющей инструментальной музыки и священного пения. Двор был наполнен молящимися всех национальностей и сект. Сикхи до сей поры равно уважают все вероисповедания и допускают всякого сектанта, за исключением магометанина, молиться в Золотом Храме. Поэтому на девалли Амритсара и стекаются пилигримы самых противоположных верований. Здесь вы увидите и поклонника Вишну, бьющего лбом о ступени храма, и старого шаиву, зрящего в куполообразном храме эмблему

своего Шивы, и ведантиста, и буддиста, и многобожника гурка, и даже чертопокклонника джатта...

Пройдя мраморный мост со сквозными перилами, которые были покрыты в эту минуту густыми шпалерами одетых в собственную кожу факиров, *санньяси* в желто-оранжевых балахонах и шиньонах, да *кук*¹⁷ с Сухаревой башней белой кисеи на голове и в узких юбках, мы дошли, наконец, до Златоголовой пагоды. Словно Венера вынырнувшая из пены морской, предстала перед нами эта красавица Индии, не знающая себе соперников, кроме магометанских Тадж-Махала в Агре да Моти-Месжиб (Жемчужной мечети) в Дели. Стены ее до двух третей из чистого, превосходно отшлифованного белого мрамора ярко вызолочены под террасами, и золотые купола группируются в центре квадрата, на каждом углу которого возвышается высокая, расписанная, словно пасхальное яйцо, башня. С трех сторон храм окружен глубоким озером, с четвертой – мостом, ведущим к бхунге акали. Вода находится почти в уровень со второю ступенью каждой из трех дверей портика: с этих ступеней сикхи, словно лягушки, прыгают целый день в озеро, а вынырнув – ложатся на мокрую верхнюю ступень и сушатся на солнце в ожидании бессмертия. С трогательным гостеприимством нам было предложено погрузиться в озеро, в чем были, а затем высушиться таким же манером. Но полагая себя достаточно бессмертными, вкусив воды источника, мы отказались.

---

¹⁷ Куки – тайная политическая секта сикхов, весьма враждебная англичанам.

Храм не велик, но чрезвычайно изящен по своей внутренней отделке, а главное – факт необычайный в Индии – содержится в большой чистоте. Войдя в главную дверь, мы очутились нос к носу с великим жрецом сикхов. Древний старец с седою, как лушь, бородой сидел на богатых подушках под огромным голубым бархатным, вышитым золотом балдахинном и, по-видимому, прилежно читал Гранфу. Говорю: по-видимому, так как, подойдя ближе, мы увидели над съехавшими на конец крючковатого носа очками закрытые глаза и услышали громкое сопение, прорывающееся даже среди гула многих голосов, усердно бормотавших вокруг него молитвы. Маха-гуру спал сном праведных и так крепко, что даже не проснулся, когда наш друг акали почтительно стал шарить между его поджарыми коленками, выбирая для нас несколько самых пышных роз из целого вороха рассыпанных под ним цветов. Нас известили, что он не спит, а блаженствует в *самадхи*, то есть находится в том религиозно-летаргическом состоянии, во время которого высшая душа человека (атман), отделяясь от тела, отправляется по делам духовной службы в мировые пространства, а брeнная плоть оставляется на земле под охраной «животной души» (джив-атма). Видно, «животная» хозяйка спешила воспользоваться своими временными правами, так как в минуту нашего появления она сильно заявляла о своем присутствии. После одного громоподобного всхрапа, древний старец, ткнувшись в последний раз носом в Гранфу, вдруг открыл помутившиеся

от сна глаза и, открыв беззубый рот, с изумлением вперил в нас взор, как бы ожидая объяснений. Они не замедлили: наш услужливый акали немедля рекомендовал нас под именем «братьев из Наталла».¹⁸ Это повсеместное в Индии наименование Америки, вследствие своего двойного значения, являлось много раз причиной всевозможных *qui pro quo*. Особенно прекрасный пол Индии, не всегда годный для избрания в почетные члены географического общества, с великим любопытством осведомлялся, насколько в нас родственного сходства с зелеными чудовищами с красными глазами и многохвостыми позвоночными хребтами, какими рисуют у них в храмах *ракиасов* (чертей) из Наталла; а увидя нас, не хотели верить, что мы не «инг्रेसи» (англичане).

Поглазев на нас, древний понтиф дал нам позволение влезть на восточные башни, с которых открывается великолепный вид на город. Но затем тотчас же вернул назад, дабы задать нам несколько весьма оригинальных вопросов. Один из них состоял в том, чтобы узнать – «много ли в вашем Наталле мусульман и обязует ли американцев религия травить и убивать их, как бешеных шакалов... или же англичане запрещают и натальцам трогать их, как они то делают в Пенджабе?» Узнав, что мусульман в Америке нет, а англичане не имеют права там хозяйничать, великий гуру пришел в сильное недоумение. Изъявив приятную надежду, что му-

---

¹⁸ *Наталл* – имя, под которым известна Америка, в переводе – «преисподняя страна». Наталлом также зовется в народе ад.

сульман, быть может, оттого нет в Соединенных Штатах, что кроме горсти спасшейся от сикхов в Индостане и Кабуле под защитой англичан, они все давно пекутся в Наталле преисподнем, то есть в аду, он никак не мог взять в толк, – говорил он, – как это люди, живущие в такой благословенной стране, где нет ни мусульман, ни *ингрез*, могли расстаться с ней, дабы поселиться в местности, кишашей этими двумя расами! После обмена несколькими столь же глубокомысленными замечаниями мы расстались, чрезвычайно довольные друг другом.

Сад, прилежащий к Золотому Храму, очень красив. В нем поют соловьи! Кашмир изобилует соловьями, как и розами, и первые часто залетают в пенджабские леса. Песнь соловьиная в саду гуру несомненный признак того, что в птице поселилась душа одного из певцов или свирельщиков храма, и вокруг дерева, где экс-певец заявляет о своем присутствии, приготовлены для него корм и вода из озера Бессмертия. Из сада мы отправились в «Черный город»...

Амритский базар представляет чрезвычайно оживленное зрелище: все лавки соединяют в себе и фабрику, и складочные магазины, и место распродажи. Они открыты для глаз посетителей с улицы, и, проходя медленно вдоль узкой дороги, вы можете составить себе верное понятие о сложном процессе фабрикации тех удивительных шалей, которые продаются здесь: «за морем телушка полушка», а за провоз в Европу – «алтын». Сидит голый индус на кончике позвоночно-

го столба и чешет шерсть. Волны ее так и светятся на солнце, словно струя блестящего шелка... В конурке-лавочке, рядом с этой, другой индус красит шерсть в самые яркие, чудные цвета. За этой лавкой – третья, в которой мастер, сидя за самым примитивным станком, ткет всеми двадцатью пальцами ног и рук. Надо видеть, какие здесь вышивают золотом шали, кисеи, шелковые материи самых нежных цветов на пыльной, покрытой помоями и нечистотами улице, часто между двумя съестными лавчонками, где целый день жарятся чуреки на кокосовом масле, а рои мух затемняют свет... И никогда ни одного пятнышка?.. Одно пятно разорило бы навеки бедного рабочего!

Базар здесь завален товаром из Средней Азии и дешевыми подложными произведениями из Манчестера. Последний старается всеми силами убить великолепную местную работу своими подражаниями и невозможной конкуренцией дешевизны. И действительно: кто же станет покупать драгоценно выточенных идолов из настоящей слоновой кости, которых не постыдился бы признать своим произведением Бенвенуто Челлини и которыми так славится квартал Даршани Дарваза в Амритсе, когда Манчестер заваливает базар идолами из простой, грубо выточенной на машине кости, но в десять раз дешевле? Мало-помалу древнее рукодельное искусство исчезает и скоро совсем исчезнет. Все эти драгоценные кисеи-паутины из Дакки, чудные филиграновые украшения Дели, мозаика по золоту и мрамору и работу

под чернь Мурадабада, удивительное герousse по меди Бенареса и т. д. и т. д., превратятся в легенды. Манчестерская машина скоро уничтожит даже воспоминание о всех этих произведениях терпеливого индуса, гений коего готов заявлять себя за несколько копеек в день, но у которого и эти несчастные копейки отымают корысть английского торговца! А 20 миллионов за афганское fiasco все-таки пожалуйте. А не дадут под видом новых податей, продадут последнего буйвола, корову, кормилицу целой семьи, а нет и этих – тюрьма!

– Но неужели же, – говорю я одному malcontent, – вы можете сожалеть о том времени, когда вы находились под деспотическим игом мусульман? Ведь теперь у вас и образование идет весьма быстро, и жизнь ваших семей в безопасности?.. И проч. и проч.

И всегда один и тот же ответ: «Сознаем и великое благо образования, и разные другие благодеяния цивилизации!.. Но к чему вся эта честь, когда нечего есть?». Правда, во времена мусульманских династий нас и били, и убивали, и притесняли, да все же не морили голодом поголовно. Деньги, вымогаемые сынами пророка от индусов, оставались в стране, и рано или поздно была надежда, что они вернуться в карманы первых владельцев. А теперь?.. Теперь последние соки выжимаются и исчезают навеки среди великобританских туманов. Наши голкондские бриллианты превратились в стекло; наши священные идолы красуются в Британском музее; а несметные сокровища – в сундуках Английского Банка.

Наш знаменитый Кох и Нур (гора сияния) – алмаз без соперника, вырванный Рунджит-Сингом вместе с кровью у побежденного им шах-Суджаха, сияет теперь в венце императрицы Индии... И много-много фамильных драгоценностей, некогда ограбленных Гестингсом и К^о у прадедов владетельных принцев, вынуждены ныне выкупать за громадные суммы у проезжих английских ювелиров!..

Я беру со стола «Историю о присоединении Пенджаба к британским владениям в 1849 году», написанный англичанином, и читаю следующее:

«Таким образом страна была спасена... Это несчастное многомиллионное население, истерзанное веками неурядицы междоусобных войн, постоянного кровопролития, деспотизма и совершенного нравственного, как и материального, упадка сил, наконец, вздохнуло свободно... Взятое под благодушное покровительство британской короны, оно с тех пор познало жизнь, ежедневно благословляя все выгоды цивилизации и в высшей степени справедливого, хотя и твердого управления величайшей из государынь Индии».

Видно, прав К. Н. Леонтьев: известная степень лукавства в политике есть обязанность,¹⁹ и англичане, стало быть, правы.

Мы оставались в Амритсе до дня девалли. 2 ноября ча-

---

¹⁹ См. «Русский вестник», март 1879 г. «Мои воспоминания о Фракии».

сов в 6 вечера мы отправились через *кантонемент* в город к храму, центру иллюминации. Кроме Бомбея и Калькутты, города Индии, конечно, не похожи на другие города вселенной. Обитаемые англичанами местности или кварталы даже не называются городом, а *Cantonement*, в отличие от Черного Города или той части городов, где обитают презренные их экс-владельцы, «сыны почвы». А города последних – не более и не менее – обыкновенные азиатские города, и кроме своих исключительных, несокрушимых памятников древности, все на один покрой. Мазанки-сакли без окон и дверей гнездятся под боком пестро расписанных хором с претензиями на название дворцов; кривые избушки на курьих ножках теснятся, валятся друг на друга, перелезают через стены и крыши своих соседей, словно спеша на приступ, и наткнувшись на глухую стену настоящего дома, прилипают к ней, заглядывая через головы нижних рядов на узкую улицу и как бы хвастая перед прохожими своими вечно развешенными на крышах лохмотьями. Эти улицы, где редко могут проехать рядом два экипажа, обыкновенно обрамлены двумя рядами лавчонок, где продается все, от совести до идолов английской мануфактуры и от венецианских настоящих кружев, под грудой лука и бананов, до запрещенных в Англии сочинений Анни Безант, третирующих о мистериях современной физиологии. Но зато так называемые *Cantonement* в городах, как Аллахабад, Канпур, Амритса, Лахор и прочие, совсем даже не похожи на города... Это просто загородные

части индусских городов, построенные большей частью после мятежа. Лет 30 тому назад почти возле каждого города был *джунгли*, или лес, где спасались отрешившиеся от света факиры и святые люди. Набравшись страху по усмирении мятежа, англичане всех их повыгоняли, расчистили глухо заросшие рощи, разбили в них длиннейшие широкие аллеи и выбрали промежуточные чащи местом своего жительства. Можно кататься по целым часам по ровным чудным аллеям, осеняемым вековыми деревьями, и не увидеть ни одного жилища. Только издали, и от места до места, мелькают перед нами по бокам дороги белые двойные столбы с именами тех, которые живут за несколько сот сажень за ними. Чтобы добраться до них, надо въехать в эти бездверные ворота, и только тогда среди тенистых и обросших мохом деревьев вынырнет перед нами белый, окруженный верандами «бунгало». Скрываясь от жгучих смертоносных лучей свирепого солнца, эти дачи в двух шагах еле заметны из-за своих густых шатров переплетенных ветвей. Под навесами гигантских лиан и других ползучих растений, они смеются и над жарой и над солнцем... Оно здесь бессильно, и только мигает своими огненными глазищами сквозь зеленую сетку густой листвы. В Индии не жара, а луч солнечный даже во время холодного сезона чаще всего мгновенно убивает европейца.

Солнце уже почти спустилось за горизонт, когда мы выехали из нашего загородного бунгало, хотя нам приходилось ехать мили три по одним аллеям Кантонемента. Но если зной

еще и в ноябре нестерпим днем, то зато ничто не может сравниться с прелестью октябрьских и ноябрьских вечеров в Индии. . . Воздух был пропитан ароматом растений, и целые мириады вечерних разноцветных мотыльков и мушек кружились радужными тучами в потухающих лучах дня. По сторонам аллей – озерки и канавы, по черному зеркалу которых расстилались бледно-розовым ковром плавающие чашки лотосов, привлекая целый рой светящихся жуков и мушек. . . Но еле заискрились в быстро сгущающихся сумерках их фосфорические блески, как по окраинам дорог стали зажигаться другие огоньки – плоские наступающей иллюминации девадали. От этого дня туземцы индусы считают свой новый год. Темные силуэты «священных факельщиков» уже стали появляться между деревьями, и их группы делались с каждой минутой гуще и многочисленнее. Тихо, неслышно перебегаемая своими босыми ногами, они мелькали как ночные лешие под кустами над лиственной нижней веткой, на крышах домов. И всюду, где только не появлялась черная рука с протянутым жезлом, внутри которого горела пропитанная кокосовым маслом священная трава «кузи», там зажигалась, как огненная точка, плоская, вспыхивала яркими цветами китайский фонарь, загорался факел. . . В десять минут времени запылал, как днем, целый город со всеми его окрестностями. . . Мы знали, что в эту минуту освещается с одного конца до другого вся поработанная, но все еще не потерявшая веры в своих богов Индия. . .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.